

Касаткина Т.А.

ОБ ОДНОМ СВОЙСТВЕ ЭПИЛОГОВ ПЯТИ ВЕЛИКИХ РОМАНОВ ДОСТОЕВСКОГО

Хорошо известен факт психологического восприятия читателями произведений Ф.М.Достоевского: в то время, как одни погружаются в бездну безысходности и мрака, другие воспринимают его романы как прорыв сквозь мрак и безысходность к свету и надежде. Анализируя имеющиеся «читательские» отклики — многочисленные критические, публицистические, философские, литературоведческие статьи — можно заметить, что разделение их авторов на две указанные читательские группы будет тесно связано с их отношением к религии, с их религиозностью или безрелигиозностью.

Предвидя все возможные нарекания, я тем не менее говорю именно о религии, а не, допустим, о православном христианстве. Хотя в романах Достоевского связь с Богом («религия» от лат. «связь», «связывать») присутствует именно в этой своей форме, мне кажется, что любой читатель, вообще испытавший эту связь, сможет почувствовать ее присутствие в творчестве писателя. По-видимому, именно это качество читателей позволяет или не позволяет им заметить предлагаемый автором романов «исход» из мрака романной «действительности».

Такой «исход» в своем концентрированном виде дан в эпилогах романов «великого пятикнижия». Дело в том, что по крайней мере четыре романа из пяти заканчиваются своеобразными «иконами». В общем смысле, говоря об обращении на последних страницах к Евангелию, можно сказать, что почти все романы как бы имеют на своей последней странице (уже за текстом) изображение Христа-Пантократора. (Может быть, это следовало бы воспроизводить полиграфически.) Но «иконы» разных сюжетов присутствуют и как бы нарисованные самими текстами эпилогов. Если говорить о том, что бросается в глаза до всякого анализа (и при этом начать с самого неочевидного), то нужно указать на икону «писца»-Евангелиста в эпилоге романа «Подросток» (причем, по-видимому, это будет икона Иоанна, диктующего ученику). В эпилоге «Бесов» — изображение трех жен-мироносиц у гроба Господня. В эпилоге «Преступления и наказания» — икона Богородицы (анализ покажет — что определенного извода). В эпилоге «Братьев Карамазовых» — по-видимому, икона причащения апостолов. И лишь один роман — «Идиот» — на первый взгляд, лишен такого завершающего иконного образа (потом мы увидим, что и это не совсем так). Он и оставляет по прочтении самое тяжелое и безысходное впечатление, что весьма странно, если учесть, что именно здесь Достоевский изобразил «положительно прекрасного человека». Впрочем, некий образ в конце «Идиота» все-таки воспроизведен. Это, как можно догадаться,

гольбейновский Христос. Бросив общий взгляд на эпилоги романов, попробуем теперь присмотреться пристальнее к каждому из них.

«Преступление и наказание»

«Момент же встречи Христа и человека, освящение земли и всего, что на ней, видит Достоевский до волнения ясно, видит чувственно и духовно.»

(Н.Абрамович. Христос Достоевского.)

Когда-то я написала о главной идее «Преступления и наказания»: «Только **одним**, только через **одного** спасается другой. Другого пути нет». Один воплощает для другого спасение через возможность соединения с ним — слишком редкую и неочевидную, во всяком случае, для того «другого», о котором идет речь, для Раскольникова. Но спасение для Достоевского есть только одно — открывающее вновь душе пути для соединения с Живым Богом. И Соня не только воплощает спасение, но и «прообразует» эти пути, являя воочию зримый Раскольниковым образ, икону.

Подготовление к тому, чтобы образ был увиден героем и читателем, начинается исподволь, но откровенно и явно — с того момента, где описывается взгляд каторжников на Соню. Для Раскольникова их отношение к ней непонятно и обескураживающе: «Неразрешим был для него еще один вопрос: почему все они так полюбили Соню? Она у них не заискивала; встречали они ее редко, иногда только на работах, когда она приходила на одну минутку, чтобы повидать его. А между тем все уже знали ее, знали и то, что она за ним последовала, знали, как она живет, где живет. Денег она им не давала, особенных услуг не оказывала. Раз только, на Рождестве, принесла она на весь острог подаяние: пирогов и калачей. Но мало-помалу между ними и Соней завязались некоторые более близкие отношения: она писала им письма к их родным и отправляла их на почту. Их родственники и родственницы, приезжавшие в город, оставляли, по указанию их, в руках Сони вещи для них и даже деньги. Жены их и любовницы знали ее и ходили к ней. И когда она являлась на работах, приходя к Раскольникову, или встречалась с партией арестантов, идущих на работы, — все снимали шапки, все кланялись: «Матушка Софья Семеновна, мать ты наша, нежная, болезная!» — говорили эти грубые клейменные каторжники этому маленькому и худенькому созданию. Она улыбалась и откланивалась, и все они любили, когда она им улыбалась. Они любили даже ее походку, оборачивались посмотреть ей вслед, как она идет, и хвалили ее; хвалили ее даже за то, что она такая маленькая, даже уж не знали, за что похвалить. К ней даже ходили лечиться» (6; 419).

Прочитав этот отрывок, невозможно не заметить, что каторжники воспринимают Соню как образ Богородицы, что особенно ясно из вто

ном чтении может быть понято как становление взаимоотношений каторжников и Сони. Но дело, очевидно, обстоит не так, ибо с одной стороны отношение устанавливается **до всяких отношений**: арестанты **сразу** «так полюбили Соню». Они сразу ее **увидели** — и динамика описания свидетельствует лишь о том, что Соня становится покровительницей и помощницей, утешительницей и заступницей всего острога, принявшего ее в таком качестве еще до всяких внешних его проявлений.

Вторая же часть даже лексическими нюансами авторской речи указывает на то, что происходит нечто совсем особенное. Эта часть начинается с удивительной фразы: «И когда она являлась...» Приветствие каторжников вполне соответствует «явлению»: «Все снимали шапки, все кланялись...» Называют они ее «матушкой», «матерью», любят, когда она им улыбается — род благословения. Ну и — конец венчает дело — явленный образ Богоматери оказывается чудотворным: «К ней даже ходили лечиться».

В высшей степени характерно, что отношение каторжников к Соне совершенно непостижимо для Раскольников. Он — неверующий — не видит явленного всем вокруг него. Для того, чтобы подчеркнуть, что речь идет именно об этом: о вере и неверии, определяющих видение и невидение, — приведенному отрывку предшествует другой, говорящий об отношении каторжников к Раскольникову и о причинах такого отношения: «На второй неделе Великого поста пришла ему очередь говеть вместе с своей казармой. Он ходил в церковь молиться вместе с другими. Из-за чего, он и сам не знал того, — произошла однажды ссора; все разом напали на него с остервенением. — Ты безбожник! Ты в Бога не веруешь! — кричали они ему. — Убить тебя надо. Он никогда не говорил с ними о Боге и вере, но они хотели убить его как безбожника; он молчал и не возражал им...» (6; 419). Непосредственное соседство двух приведенных пассажей указывает на то, что нелюбовь каторжников к Раскольникову, их благоговейная любовь к Соне (и то, и другое — без видимых причин), и непонимание Раскольниковым их любви — все это лишь стороны одного вопроса: именно, вопроса о вере. Раскольников **не видит**, но после вынесенных впечатлений окружающей его ненависти и видений его болезни он готов увидеть.

Его готовность увидеть, момент ожидания, замершего на вдохе, зафиксированы Достоевским в полных неопределенности фразах пассажа, находящегося непосредственно перед эпизодом «явления»: «Шла уже вторая неделя после Святой... Однажды, под вечер, уже совсем почти выздоровевший Раскольников заснул; проснувшись, он нечаянно подошел к окну и вдруг увидел вдали, у госпитальных ворот, Соню. Она стояла и **как бы чего-то ждала. Что-то как бы пронзило** в ту минуту его сердце; он вздрогнул и поскорее отошел от окна» (6; 420). Соня сразу после этого заболела и слегла. У ворот ожидала (у ворот души), чтобы войти. Теперь пришла его очередь ждать беспокойно и

тревожно. «Он был очень беспокоен, посылал о ней справляться. Скоро узнал он, что болезнь ее не опасна. Узнав, в свою очередь, что он так о ней тоскует и заботится, Соня прислала ему записку, написанную карандашом, и уведомляла его, что ей гораздо легче, что у нее пустая легкая простуда и что она скоро, очень скоро, придет повидаться с ним на работу. Когда он читал эту записку, сердце его сильно и больно билось» (6; 420).

В болезни Раскольников видит кошмары о способах устройства идеального общества, выздоравливая — ожидающую Соню, а выздоровев — икону, образ Божьей Матери — и поклоняется ей.

Момент творения иконы как бы отчеркнут, отделен от предыдущего текста описанием особого, прозревающего, состояния героя и выводом действия из привычного течения времени, переводом его в план вечности, оконцами в которую и должны служить нам образа: «Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем непохожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его. Раскольников сидел, смотрел неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила в грезы, в созерцание; он ни о чем не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила» (6; 421). Из анализа «Сна смешного человека...» мы знаем, что неосознанная тоска появляется в произведениях Достоевского как томление части по целому. И здесь перед нами — стремление воссоединиться с Богом, с отвергнутым Отцом, вернуться в лоно Авраамово. И на прозвучавший, наконец, искренний призыв сразу дается ответ. Следующие два абзаца текста — творение иконы. Третий абзац — поклонение ей.

«Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился. На ней был ее бедный, старый бурнус и зеленый платок. Лицо ее еще носило признаки болезни, похудело, побледнело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку» (6; 421).

Обратим внимание, прежде всего, на одежду Сони. На ней надет бурнус. Бурнус — это «накидка и верхняя одежда разного вида, мужская и женская, будто по образцу арабскому» (Толковый словарь Вл. Даля). Для того, чтобы изобразить традиционную одежду Марии — мафорий (одежду замужних палестинских женщин), более всего, конечно, подходит бурнус, бывший, к тому же, достаточно распространенным видом одежды. Теперь зеленый платок. Вообще, зеленый цвет как цвет земной жизни напрямую связан с образом Богородицы, молельщицы и предстательницы перед Господом за человека и землю, за всякую земную тварь. Присутствует он постоянно и в иконах. Так, например, Богоматерь Одигитрия из собора Рождества Богородицы в Фера

понтском монастыре (ныне — Санкт-Петербург, Русский музей) изображена с зеленым исподом головной накидки. Знаменитая икона «О Тебе радуется», происходящая из мастерской Дионисия, из Успенского собора города Дмитрова (ныне — в Третьяковской галерее в Москве) изображает сидящую на престоле Богоматерь в Славе, окруженную расходящимися от престола кругами синего и зеленого цвета. Если вспомнить почти бесцветные, мягкие, пушистые волосы Сони, то ими вполне прорисовывается нимб, и тогда зеленый платок может изображать «Славу». Примерно так я и истолковала зеленый платок Сони, рассказывая об иконе в эпилоге «Преступления и наказания» в Старой Руссе. Причем уже там я сказала (почему — будет объяснено дальше), что явленная Раскольникову икона — вполне определенная икона, а именно «Споручница грешных». На следующий день после моего доклада мы поехали в Хутынский монастырь, где, отстояв панихиду по Державине, пошли осмотреть собор. Там было довольно много икон нового письма, из них большинство (более пяти) — иконы «Споручницы грешных» — что само по себе достаточно необычно — это вовсе не самый распространенный тип иконы. Но что было уже совсем удивительно, почти все они изображали Богоматерь в ярко-зеленом платке! Может быть, с моей стороны это и произвольная трактовка событий, но я приняла происшедшее за подтверждение моей догадки.

Побледневшее, похудевшее и осунувшееся лицо (в результате чего всегда увеличиваются, как бы проступают на лице **глаза**), я думаю, понятно без комментариев. Но вот выражение лица: привет, радость — в сочетании с робко протянутой рукой (добавить в выражение — робость) удивительно точно передает довольно трудно описываемое впечатление от икон с такого типа жестом — жестом моления, ласки и приветия.

Нужно отметить одно обстоятельство, странное с любой другой точки зрения, но необходимое для появления видимой иконы на страницах романа — Соня подходит неслышно и **садится** рядом с Раскольниковым, после чего уже протягивает ему руку для приветия — не окликнув, не поздоровавшись, как было бы ожидаемо, стоя, сразу по появлении. Но именно такая поза и необходима, чтобы появилась Богоматерь рядом с «младенцем» — а младенцем Христом здесь может стать сам Раскольников. **Возможность**, призыв, на который можно ответить, а можно и нет, здесь явлена очевиднее, чем во многих других местах романа (а там она явлена достаточно очевидно, даже до назойливости: ведь когда у Порфирия на руках уже все карты, Господь защищает Раскольникова от **вынужденного** признания, «подводя» в этот момент Николку с его признанием): «Она всегда протягивала ему свою руку робко, иногда даже не подавала совсем, как бы боялась, что он оттолкнет ее. Он всегда как бы с отвращением брал ее руку, всегда точно с досадой встречал ее, иногда упорно молчал во все время ее посещения. Случалось, что она трепетала его и уходила в глубокой скорби. Но теперь их руки не разнимались; он мельком и быстро взгля-

нул на нее, ничего не выговорил и опустил свои глаза в землю. Они были одни, их никто не видел. Конвойный на ту пору отворотился». (6; 421).

Жест Раскольникова, принимающего и держащего руку Сони, определяет тип иконы. Мне известны только два типа икон, на которых Христос держит руку Богородицы: это Киево-Братская икона Божией Матери и икона Божией Матери, именуемая «Споручница грешных». На Киево-Братской иконе Христос держит Богородицу за руку одной рукой, другая поднята со сложенными для благословения перстами. Взгляд Его устремлен вверх, щека прижата к щеке Богородицы. На иконе «Споручница грешных» обе руки Христа касаются руки Богородицы, взгляд Его устремлен вперед (по сравнению со взглядом Богородицы — скорее вниз), фигуры оставляют впечатление именно сидящих рядом. На мой взгляд, в финале романа появляется скорее второй из названных тип иконы, но «сюжетная переключка», кажется, есть и с историей Киево-Братской Божией Матери. Излагаю ее здесь по Православному церковному календарю за 1979 год. «Киево-Братская икона Пресвятой Богородицы явилась в 1654 г. и позднее находилась в Киеве, в Братском училищном монастыре, но ранее была местночтимой в Вышгороде. В 1662 г. крымские татары, переправившись через Днепр около Вышгорода, похитили ее из храма вместе со священной утварью и другими свв. иконами; но чудотворная икона Богородицы была пущена по Днепру. Рекою она доплыла до Киева-Подолы и остановилась среди Днепра напротив Братского монастыря. Здесь ее с радостью приняли православные иноки и перенесли в свой монастырь с подобающей честью. Празднество Киево-Братской иконе Богородицы совершаются 10 мая, 2 июня и 6 сентября» (С.58). Пришествие иконы рекою соответствует тому, что в «Преступлении...» икона «творится» на берегу реки, причем место происхождения особенно подчеркнуто и выделено. Но и «принятие» иконы православными иноками очень напоминает мне «принятие» каторжниками Сони.

И все же истинной героиней эпилога «Преступления...» все же является «Споручница грешных». Вот что сообщает об иконе Полный православный богословский энциклопедический словарь ((Спб., без даты), репринтное издание: М., 1992. Т.2. С. 2110-2111): «Споручница грешных» — икона Божией Матери, именуемая так потому, что Богородица изображена на ней с Младенцем-Христом, держащим обеими руками ее правую руку, как это делается при завершении сделки. Этим пожатием руки Матери Своей, Он как бы заверяет Ее, что всегда будет внимать Ея мольбам за грешников. Откуда икона и когда написана — неизвестно, но с 1844 г. она чудотворная. Празднуется 7 марта и 29 мая».

вот что сказано о ней в Православном церковном календаре (1979, С.59): «Икона Богоматери «Споручница грешных» находилась некогда в мужском Одринском монастыре Орловской епархии, где и прославилась чудотворениями в 40-х годах XIX века. В Москве список с этой чудотворной иконы, поставленный в храме свт. Николая в Хамовниках, в 1848 г. прославился виденным от него светом по ночам, истечением мира и многими чудотворениями. Всех чудесных исцелений от иконы Богоматери «Споручницы грешных», заявленных и записанных в течение первых шести лет, имелось более 115. Наименование иконы Божией Матери «Споручницей грешных» служит выражением той многообразной благодатной любви Ее к грешному роду человеческому, которую Она проявляла во все времена».

Еще одно добавление к описанию. На некоторых иконах этого типа имеется надпись, как бы окружающая образ: «Азь Споручница грешных к Моему Сыну // Сей даль Мне за них руце слышати Мя выну (црк.сл. всегда, непрестанно) // Дати иже радость выну Мне приносить // Радоватися вечно чрезь Меня испросять».

Уже то, что Сою принимают как свою заступницу каторжники, заставляет предположить, что лучшего названия для явленной ее посредством иконы, нежели чем «Споручница грешных», не придумать. Но и само чудо, совершенное ее любовью над Раскольниковым, — также чудо над грешником, отвернувшимся от Бога (т.е. — самым безнадежным, в каком-то смысле), во спасение его. Значимым мне представляется и то, что икона «Споручница грешных» была в момент написания «Преступления и наказания» **новой** чудотворной иконой, совсем недавно напомнившей людям «века неверия и сомнения» о бесконечной милости Бога и силе заступничества Божией Матери.

Но вот что еще интересно. Сразу за «творением» иконы, как уже говорилось, следует поклонение ей Раскольникова. «Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и все лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она все поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее, и что настала же наконец эта минута» (6; 421). И дальше, вся последняя страница романа как бы пронизана ощущением счастья, жизни, радости, изменившим все, даже отношение каторжников к Раскольникову. И радость им дарована вечная: «...сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» (6; 421). Богоматерь исполняет свое обещание: «Радоваться вечно чрезь Меня испросять».

Здесь бы можно и закончить, но еще одна икона заставляет нас посмотреть на весь уже прочитанный текст под несколько иным углом. Это икона типа Одигитрия, на которой, что, кажется, не характерно для этого типа икон, Христос также изображен держащимся за руку

Богоматери. Позы фигур на иконе вряд ли напоминают то, что прорисовывается в тексте романа: Богоматерь склонилась к Иисусу, а Он, наклонясь к ней, отвернул головку и смотрит назад через левое плечо. Эта икона Божией Матери именуется «Страстная». Вот что сообщает о ней Православный календарь: «Название Страстная она получила оттого, что по сторонам лика Пресвятой Богородицы на ней изображены два ангела с орудиями страданий Христовых. Свое благодатное чудо святая икона эта явила впервые в Нижнем Новгороде, исцелив расслабленную крестьянку Евдокию; после чего икона Одигитрия была перенесена в село Палицы. В 1641 году она была перенесена в Москву, и на месте ее сретения, у Тверских ворот, был построен в 1654 году девичий монастырь, называемый от иконы Страстным. Празднество святой иконе этой совершается 13 августа и в шестое воскресенье после Св.Пасхи» (1979, С.61). Что обращает на себя внимание в этом тексте, так это сообщение о праздновании в шестое воскресенье после Пасхи. Перед нами «подвижный» праздник, день которого высчитывается таким же образом, каким ведется отсчет времени в эпилоге «Преступления и наказания». И, по-видимому, праздник этот совпадает с днем «явления» иконы в «Преступлении...» Все это заставляет пристальнее присмотреться к датам, которые обозначены подобным образом в тексте, предположив неслучайность их фиксации.

Первая дата относится к уже цитированному отрывку, первому, который имел отношение к «творению» иконы — к сцене в церкви: «На второй неделе Великого поста пришла ему очередь говеть вместе с своей казармой.» Вторая седмица Великого поста особо посвящена **греху**. Чтение в понедельник включает в себя повествование о первом и втором грехе человеков: о грехопадении и зависти Каина Авелю, жертву которого принял Бог. И уже прямо обращенными к Раскольникову звучат слова Притч (4, 10-22): «Слушай, сын мой, и прими слова мои, — и умножатся тебе лета жизни. Я указываю тебе путь мудрости, веду тебя по стезям прямым. Когда пойдешь, не будет стеснен ход твой, и когда побежишь, не споткнешься. Крепко держись наставления, не оставляй, храни его; потому что оно — жизнь твоя. Не вступай на стезю нечестивых, и не ходи по путям злых; оставь его, не ходи по нему, уклонись от него, и пройди мимо; потому что они не заснут, если не сделают зла: пропадет сон у них, если они не доведут кого до падения; ибо они едят хлеб беззакония и пьют вино хищения. Стезя праведных — как светило лучезарное, которое более и более светлеет до полного дня. Путь же беззаконных — как тьма; они не знают, обо что спокнутся. Сын мой! словам моим внимай, и к речам моим преклони ухо твое; да не отходят они от глаз твоих; храни их внутри сердца твоего: потому что они жизнь для того, кто нашел их, и здоровье для всего тела его».

Здесь как бы дан ответ на всю его «тревогу беспредметную и бесцельную» предыдущих страниц. Здесь прямо указано, как найти ему вновь утерянную жизнь.

В сущности, прежде чем увидеть, Раскольникову дано было — услышать.

Я, к сожалению, лишена возможности приводить здесь все Евангельские чтения на этой неделе и варианты проповедей (это непомерно увеличило бы объем работы), но они на удивление «включены» в текст «Преступления и наказания» — так, как если бы были приведены в нем. Это часто своего рода «ключи», в прямой форме высказывающие то, что Достоевский «рассказывает». Вот, например, рассуждение Тихона Задонского на слова Первого послания Иоанна: «Грех есть беззаконие»: «Что такое грех? Это отступление от Бога живого и животворящего. Это измена, нарушение присяги, данной Богу при крещении. Это разорение святого, праведного и вечного Божиего закона, сопротивление святой и благой воле благого Бога. Это оскорбление вечной и бесконечной Божией правды, оскорбление великого, бесконечного, неизреченного, страшного, святого, благого и вечного Бога, Отца и Сына и Святого Духа, перед Которым благоговеют блаженные души, святые Ангелы». А вот что говорит о грехе святитель Григорий Нисский: «Грех не есть существенное свойство нашей природы, но уклонение от нее. Подобно тому, как и болезнь и уродство не присущи нашей природе, но противоестественны, так и деятельность, направленную ко злу, нужно признать искажением врожденного нам добра».

И слова сделали свое дело. Но они мертвы еще в душе его до откровения, до видения, до встречи с Богом. Поэтому он молчит и не возражает каторжникам, которые хотят убить его как безбожника. Но он услышал, что грех его — болезнь, уклонение от жизни и здоровья — и его последующая болезнь, физическая, как бы знаменует кризис. Болезнь вышла наружу. «Он пролежал в больнице весь конец поста и Святую» (6; 419).

Следующее отмеченное «датой» событие, как бы момент, в который открывается его сердце, описанное в самых неопределенных выражениях: «Что-то как бы пронзило в ту минуту его сердце», особенно интересно сгущенностью времени внутри него (не забудем, что следующий эпизод разворачивается уже как бы в вечности). «Дата» описана Достоевским следующим образом: «Шла уже вторая неделя после Святой» (6; 420). Если слову неделя придается церковный смысл, и оно означает — день недели, воскресенье, то вторая неделя по Пасхе (Святом Воскресении Христовом) - неделя ап. Фомы. Но вторая неделя после Святой недели — седмицы (недели в светском значении слова) — неделя женмироносиц. Вот таким образом обозначен момент происшедшей, наконец, встречи Сони и Раскольникова: того, кто смог уверовать, лишь «вложив персты», и той, что любовно поверила по слову. Вот что читают в церкви на неделю о Фоме (Ин.20, 19-31): «В тот же первый день недели

вечером, когда двери дома, где собрались ученики Его, были заперты из опасения от Иудеев, пришел Иисус, и стал посреди, и говорит им: мир вам! Сказав это, он показал им руки (и ноги) и ребра Свои. Ученики обрадовались, увидевши Господа. Иисус же сказал им вторично: мир вам! как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого: Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся. Фома же, один из двенадцати, называемый Близнец, не был тут с ними, когда приходил Иисус. Другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Но он сказал им: если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю. После восьми дней опять были в доме ученики Его, и Фома с ними. Пришел Иисус, когда двери были заперты, стал посреди их и сказал: мир вам! Потом говорит Фоме: подай перст твой сюда и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи в ребра Мои; и не будь неверующим, но верующим. Фома сказал ему в ответ: Господь мой и Бог мой! Иисус говорит ему: ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие. Много сотворил Иисус пред учениками Своими и других чудес, о которых не написано в книге сей; Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и, веруя, имели бы жизнь во имя Его». Иоанн предлагает поверить слову его. Если вспомнить, что Соня читает Раскольникову при его первом посещении именно Евангелие от Иоанна, то слова воскресного чтения покажутся еще более значимыми. А вот что говорится о женах-мироносицах в Книге священнослужителя (цит. по Православному календарю за 1993 год): «Много понадобилось слов и уверений Господу Иисусу Христу, чтобы убедить апостолов в Своем Воскресении. Но достаточно было одного ангельского глагола, чтобы жены-мироносицы поверили в радостную весть. Любовь и верность — вот что отличает жен-мироносиц. (...) Иосиф и Никодим были тайными учениками Христа. Но когда Иисуса распяли и Он умер на кресте, любовь победила страх, и они проявили большую верность, чем ближайšie ученики Христовы. Убеждения ума не спасли учеников от страха, а любовь, которой были исполнены Никодим и Иосиф и жены-мироносицы, преодолела все».

Но это еще не все, что скрывается за странной «датой». Эта неделя (в светском смысле) заканчивается воскресеньем, в которое читают о расслабленном. Болезнь Раскольникова и Сони перед свершившимся с ними чудом удивительным образом перекликается с отрывком из Деяний, который читают в этот день, и толкуется им, дополняя известный рассказ из Евангелия от Иоанна об исцелении Иисусом человека, тридцать восемь лет ждавшего исцеления от источника у Овечьих ворот. Встретив его потом в храме, Иисус напутствует исцеленного: «Вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин.5, 14). Деяния же повествуют об исцелении

Петром праведницы: «В Иоппии находилась одна ученица, именем Тавифа, что значит «серна»; она была исполнена добрых дел и творила много милостынь. Случилось в те дни, что она занемогла и умерла; ее омыли и положили в горнице. (...) Петр, встав, пошел с ними (посланными за ним учениками. — Т.К.); и когда он прибыл, ввели его в горницу, и все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними». Не могу не отметить здесь, что Соня, приехав за Раскольниковым, «занимается шитьем, и так как в городе почти нет модистки, то стала во многих домах даже необходимою» (6; 416). Но продолжим чтение Деяний: «Петр выслал всех вон и, преклонив колена, помолился и, обратившись к телу, сказал: Тавифа! встань. И она открыла глаза свои и увидевши Петра, села. Он, подав ей руку, поднял ее и, призвав святых и вдовиц, поставил ее перед ними живою» (Деян.9, 36-37, 39-41). Мне кажется, что здесь подчеркивается взаимность, общность воскрешения героев, ибо и умершей праведнице нужен **другой** для ее воскрешения, а не только застарелому калеке и грешнику.

Но, таким образом, указанная дата вбирает в себя вторую, третью и четвертую неделю по Пасхе, а в шестую неделю (шестое воскресенье) по Пасхе справляется праздник «Страстной» — как я уже говорила, еще одной иконы, где Христос изображен держащим Богоматерь за руку. Следуя тексту эпилога, вполне можно предположить, что между двумя «встречами» героев проходит примерно две недели.

Итак, конечно перед нами синтетический образ, хотя мне все же кажется, что наибольшее значение для его создания имела икона Божией Матери «Споручница грешных». Но суть здесь не в аналитических разысканиях. Суть в том, что текст Достоевского оказывается насыщен смыслами, находящимися как бы в «подтексте», к которым, однако, есть абсолютно открытый доступ для любого заинтересованного читателя; но при этом эти смыслы оказываются еще и эмоционально воспринимаемыми, и для того, чтобы «почувствовать мысль» (выражение, которое очень любил Ф.М.) вполне достаточно текста романа и данного там образа встречи человека с Богом, который «видит Достоевский до волнения ясно, видит чувственно и духовно».

«Бесы»

«Христианство есть доказательство того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть»

(Ф.М.Достоевский.)

«Бесы» традиционно рассматриваются исследователями как самый мрачный и пессимистический роман Достоевского. И действительно — невероятное количество трупов, смерть практически всех главных героев (при этом оставшийся живым, здоровым и деятельным Петруша Верховенский вовсе не способствует улучшению настроения) и

самоубийца-удавленник в здравом уме и твердой памяти буквально на последней странице — достаточно веские основания для такого приговора. Нельзя не согласиться, что на политическом уровне романа нам предлагаются самые мрачные прогнозы — к сожалению, слишком буквально подтвердившиеся. Но Достоевский никогда не оставался на политическом уровне; а на уровне метафизическом смерть — вовсе не всегда повод для скорби и отчаяния. Как скажет Алеше, утешая его, монах: «Мы здесь отошедшему отцу радуемся» («Братья Карамазовы»).

Поделюсь своим почти еще детским впечатлением, почему-то очень запомнившимся: когда я в первый раз прочла роман «Бесы», то, мимо всех героев, которые, как потом оказалось, были главными, я восприняла этот роман как роман о Степане Трофимовиче.

И, действительно, Степан Трофимович, прямо скажем, за многое ответственен. Не говоря уже о том, что все представители младшего поколения в романе являются так или иначе его воспитанниками (на что, кстати, указывает и его имя: Стефан — венец (греч.), Трофим — питомец (греч.) — венец питомцев), именно в его поэме в самом начале «Бесов» изгоняется Бог, что и позволяет «закружиться бесам разным». Да и фамилия «Верховенский» (которую Петруша унаследовал по ошибке: он, ведь, и сам сомневается относительно своего происхождения) ко многому обязывает.

Но если Степан Трофимович и создает обезбоженное пространство романа, то он же и возвращает в роман Бога, вокруг него и творится романная икона.

Как и в предыдущем произведении, встреча с Богом происходит практически сразу же, как только раздался человеческий призыв из самой глубины сердца. Унижение любви ставит Степана Трофимовича на грань отчаяния и заставляет его, во имя вечной любви, выйти на большую дорогу. Именно не раздумывая, не размышляя, не планируя, в ситуации, когда рухнуло все, чем он жил, ничем временным не отгороженный от вечности — просто человек на земле, представший перед Богом во всей своей наготе и впервые положившийся на Него: «Чтобы взять подорожную, надо было пр крайней мере знать, куда едешь. Но именно знать об этом и составляло самое главное его страдание в ту минуту: назвать и назначить место он ни за что не мог. Ибо, решишь он на какой-нибудь город, и вмиг предприятие его стало бы в его собственных глазах и нелепым и невозможным; он это очень предчувствовал. Ну что будет он делать в таком именно городе и почему не в другом? (...) Нет уж, лучше просто большая дорога, так просто выйти на нее и пойти и ни о чем не думать, пока только можно не думать. Большая дорога — это есть нечто длинное-длинное, чему не видно конца, — точно жизнь человеческая, точно мечта человеческая. В большой дороге заключается идея; а в подорожной какая идея? В

подорожной конец идеи... *Vive la grande route*, а там что Бог даст» (10; 480-481).

И к растерянному и потерянному Степану Трофимовичу в приезжей крестьянской избе обращается Бог. Удивительно — а в этом романе Достоевского это наиболее очевидно — как тихо, осторожно, осмелюсь даже сказать, робко обращается Бог к человеку, уже отчаявшемуся без Него, но еще Его не призвавшему: « — Не пожелаете ли приобрести? — раздался подле него тихий женский голос. Он поднял глаза и к удивлению увидел перед собой одну даму (...) (в избе, где он уже потерялся и испугался «среди народа» и, кстати, успел возбудить подозрение. — Т.К.) лет уже за тридцать, очень скромную на вид, одетую по-городскому, в темненькое платье и с большим серым платком на плечах. В лице ее было нечто очень приветливое, немедленно понравившееся Степану Трофимовичу. (...) Из (...) мешка она вынула две красиво переплетенные книжки с вытесненными крестами на переплетах и поднесла их к Степану Трофимовичу» (10; 486).

Если воспринять этот текст именно в таком значении (Божьего оклика), то потрясающе будет звучать ответ Степана Трофимовича, как бы дающего разрешение сделать то, что произошло дальше, обещая не сопротивляться: « — С величайшим удовольствием. *Je n'ai rien contre L'Evangile, et...* Я давно уже хотел перечитать...» (Французская фраза особенно удивительна: «Я не имею ничего против Евангелия...») (,). Нельзя не отметить, что зовут книгоношу, которая посылается Степану Трофимовичу в качестве ангела-хранителя, Софья Матвеевна (София — премудрость (греч.), Матфий — благодарованный (евр.)) — благодарованная мудрость.

И опять, так же как и в «Преступлении и наказании», двое становятся спасением друг для друга, и опять София — мудрость указывает путь своему «соспасаемому»: «Наконец-то воротилась Софья Матвеевна. Но она села на лавку такая убитая и печальная. — Не быть мне в Спасове! — проговорила она хозяйке. — Как, так и вы в Спасов? — встрепенулся Степан Трофимович. Оказалось, что одна помещица, Надежда Егоровна Светлицына, велела ей еще вчера поджидать себя в Хатове и обещалась довести до Спасова, да вот и не приехала. — Что я буду теперь делать? — повторяла Софья Матвеевна. — *Mais, ma chere et nouvelle amie*, ведь и я вас тоже могу довести, как и помещица, в это, как его, в эту деревню, куда я нанял, а завтра, — ну, а завтра мы вместе в Спасов. — Да разве вы тоже в Спасов? — *Mais que faire, et je suis enchante!* Я вас с чрезвычайною радостью доведу; вон они хотят, я уже нанял... Я кого же из вас нанял? — ужасно захотел вдруг в Спасов Степан Трофимович» (10; 489-490).

Навязчиво повторяемое название города «Спасов», куда все направляются, и куда, вслед за своей богоданной премудростью, захотел и Степан Трофимович, кажется, не требует разъяснений. Слишком очевидно значение и имени помещицы, которая должна была довести

туда Софью Матвеевну: Надежда Светлицына — светлая надежда. Но вот что не так очевидно и тоже очень интересно: знакомый крестьянин Анисим, случайно встреченный Степаном Трофимовичем в приезжей избе, упорно выспрашивает (с чем слабо соглашается Степан Трофимович — абсолютно в той же манере, в какой он произнесет: «Я не имею ничего против Евангелия») не едет ли он в Спасов к некоему Федору Матвеевичу. «— Да уже не к Федору ли Матвеевичу? То-то вам обрадуются. Ведь уж как в старину уважали вас; теперь даже вспоминают неоднократно... — Да, да, и к Федору Матвеевичу. — Надо быть-с, надо быть-с. То-то мужики здесь дивятся, словно, сударь, вас на большой дороге будто бы пешком повстречали. Глупый они народ-с» (10; 487). И далее, на слабое сопротивление Степана Трофимовича, еще не решившегося ехать в Спасов: «Но... здесь тоже хорошо... И я не хочу, — прошамкал было Степан Трофимович. — Хорошо, сударь, это вы справедливо, в Спасове у нас теперь куды хорошо, и Федор Матвеевич так вами будут обрадованы.» (10; 489). Этот неизвестно откуда взявшийся Федор Матвеевич на самом деле лицо чрезвычайно важное, ибо значит — (Феодор (греч.) — Божий дар) — богодарованный Божий дар — чрезвычайно многосмысленная и глубокомысленная тавтология. При таком прочтении и в словах, выражающих удивление и «безжалостное любопытство» Анисима («Надо быть-с» и далее), можно найти другой, утвердительный смысл. И тогда нечего мужикам дивиться, что они нашли Степана Трофимовича на большой дороге — это единственный путь в Спасов к ожидающему его Божьему дару.

Ждать парохода в Спасов нужно было в Устье (перевоз душ умерших через реку — общее место многих религий). Там и умирает Степан Трофимович, достигая Спасова, спасения, Спаса — как и положено, после смерти. Собственно, ведь получается, что именно смерти Степана Трофимовича и дожидаются все, собравшиеся вокруг него в Устье.

Но до этого еще далеко, а пока оставшийся один, заброшенный Степан Трофимович вдруг ощущает себя в гуще людского интереса, центром народного интереса — того самого народа, который он «никогда не видал вблизи». «*Mais le vrai peuple, то есть настоящий, который на большой дороге, мне кажется, ему только и дела, куда я, собственно, еду...*» (10; 490). И действительно, чего стоит один только Анисим со своим Федором Матвеевичем: «Через четверть часа уже усаживались в крытую бречку (...) Подсаживал Анисим. — Доброго пути, сударь, — хлопотал он изо всех сил около бречки, — вот уж как были вами обрадованы! — Прощай, друг мой, прощай. — Федора Матвеевича, сударь, увидите... — Да, мой друг, да... Федора Петровича... только прощай» (10; 490).

В самом деле, из чего все так хлопочут и суетятся? Отчасти это в сниженной форме объясняется немного раньше (Достоевский вообще

очень любил объяснения по аналогии, причем один член аналогии брался заведомо «низкий» — таким мыслительным ходом (а проще — юмором) другому члену аналогии не давалось вырваться за пределы тела мира, стать «возвышенным» — т.е. превознестись). В данном случае аналогия проводится с питьем водки. «Попросите простолюдина что-нибудь для вас сделать, — делится своими наблюдениями рассказчик, — и он вам, если может и хочет, услужит старательно и радушно; но попросите его сходить за водочкой — и обыкновенное спокойное радушие переходит вдруг в какую-то торопливую, радостную услужливость, почти в родственную о вас заботливость. Идущий за водкой, — хотя будете пить только вы, а не он, и он знает это заранее, — все равно ощущает как бы некоторую часть вашего будущего удовлетворения...» (10; 485). То же ощущает простлюдин Достоевского при мысли о спасении ближнего, о достижении им Царства Божьего — и, может быть, даже с большим на то основанием. Так что не случайно хлопочет изо всех сил около брички Анисим, проявляя «торопливую, радостную услужливость, почти родственную заботливость» и умиленно приговаривая при этом: «Федора Матвеевича, сударь, увидите...» Характерна и оговорка Степана Трофимовича: «да... Федора Петровича...» (10; 490) — Божий дар каменный — ибо действительно, наконец, в конце жизни, возводится им «строение каменное», построенное не на песке.

В дороге Степан Трофимович заболевает (так и хочется сказать, что «это болезнь не к смерти, но к славе Божией»). И в смятении болезни его охватывает «новая идея» (вроде ставрогинского: «я тогда совсем новую мысль почувствовал» — «почувствованная» мысль — всегда новая). Но «новая идея» Степана Трофимовича — во всех отношениях выдающаяся — дело в том, что он решил нести народу Благоую Весть. «L'Évangile... Voyez-vous, désormais nous le rechercherons ensemble (Видите ли, отныне мы его будем проповедовать вместе), и я буду с охотой продавать ваши красивые книжки. Да, я чувствую, что это, пожалуй, идея, quelque chose de très nouveau dans ce genre (нечто совершенно новое в этом роде). Народ религиозен, c'est admis, но он еще не знает Евангелия. Я ему изложу его... В изложении устном можно исправить ошибки этой замечательной книги, к которой я, разумеется, готов отнестись с чрезвычайным уважением. Я буду полезен и на большой дороге» (10; 491). И, несмотря на смешную его претензию и на гордыню его, в нем, всех оставившем и всеми оставленным, от всего отрекшемся (в том числе — от всякого владения; вот что он говорит, отдавая деньги Софье Матвеевне: «возьмите, возьмите, я не умею, я потеряю, и у меня возьмут, и...» (10; 491), полном чистой любви («Я не могу не жить подле женщины, но только подле...» (10; 491), так вот, в нем на миг мелькает его Божественный прообраз. И в этот промельк успевает он сказать истинную, очень важную для Достоевского мысль: «О, простим, простим, прежде всего простим всем и всегда... Будем надеяться, что и

нам простят. Да, потому что все и каждый один перед другим виноваты. Все виноваты!..» (10; 491).

Степан Трофимович засыпает «лихорадочным, знобящим сном», во время которого видит «какую-то раскрытую челюсть с зубами», от чего ему «очень противно» (10; 492). Челюсть с зубами (я допускаю, что это не единственная возможная интерпретация) — достаточно традиционный символ ада («адская пасть», «адский зев» и т.п.), регулярно присутствующий на иконах типа «Распятие» и особенно «Сошествие во ад...» Таким образом, это уже собственно не просто символ ада, но символ борьбы Христа со смертью и адом и победы Христовой. Но для Степана Трофимовича действительно наступают дни борьбы.

Это дни борьбы с собственной, привычной и принимаемой за правду, ложью, с гордыней, дни приближения к истине о себе самом, дни обретения смирения. Если вспомнить, что дьявол — «отец лжи» и что гордыня — истинно дьявольский порок, а также, что «избавление последовало лишь на третий день» (10; 499) — с приездом Варвары Петровны и Даши, то аналогия «воскресения» Степана Трофимовича с Воскресением покажется не такой уж неожиданной. Но если Христос умирает — воскресает в Жизнь Вечную, чтобы воскреснуть и в жизни земной (явиться), то Степан Трофимович воскресает в жизни земной, чтобы воскреснуть в Жизнь Вечную (умереть).

И вот у одра Степана Трофимовича собираются три женщины, связанные с ним узами «ученичества» (Даше он читал лекции (вернее, — лекцию) по настоянию Варвары Петровны, да и сам еще раньше, ребенка, начал ее учить; Варвара Петровна просила его «руководить ее развитием», а позднее высказывала претензии к его руководству; фраза Софьи Матвеевны: «Ничего я тут не умею хорошо рассказать, потому сама в большом страхе за них была и понять не могла, так как они такие умные люди» (10; 503) свидетельствует о сходном эмоциональном отношении) и любви, причем любви вовсе не абстрактно-«человеческой», но очень личностной, напряженной, эмоционально-насыщенной — и в то же время чистой, то есть лишенной собственно страстного элемента, но полной преданности. Последнее хорошо иллюстрирует заключительный обмен репликами в первом разговоре Варвары Петровны и Софьи Матвеевны: «Ведь если б я не приехала, ты бы все равно его не оставила? — Ни за что бы их я не оставила-с, — тихо и твердо промолвила Софья Матвеевна, утирая глаза» (10; 504). Именно и прежде всего эти женщины и станут свидетельницами **воскресения**.

Приведу описание сюжета Жен-мироносиц, как он дан в книге Н.А.Барской «Сюжеты и образы древнерусской живописи» (М., 1993), что сведет к минимуму возможность «эмоциональной подтасовки», по понятным причинам неизбежной в том случае, если бы я сама взялась описывать сюжет. «Образ Жен-мироносиц (...) стал образом свидетельства Воскресения — свидетельства, обретенного женщинами,

не только бескорыстно служившими Учителю, но и сохранившими ему верность в гонениях, в муках и позоре крестной смерти, в его тайном погребении. Нужно отметить, что рассказы евангелистов, совпадая в передаче сути события, различаются в деталях, называют разное число пришедших ко гробу женщин: троих, нескольких, двух; Иоанн называет одну Марию Магдалину. Но, при всех этих различиях, ни один не упоминает Деву Марию. Однако народное сознание с древнейших времен почитало и Богородицу среди пришедших ко гробу. Ее также называют в числе мироносиц и церковные песнопения, посвященные этому событию. И это участие Матери в приходе мироносиц ко гробу усиливало то представление, что в событии этом не только открывается истина, но открывается она именно женщинам, наделенным всей полнотой женской любви, преданности и веры» (с.114-115).

Интересно, что Достоевский как бы помнит о вариативности количества фигур у гроба: мы видим и двухфигурную композицию (беседа Варвары Петровны с Софьей Матвеевной) и трехфигурную (фраза: « — Ну садись, садись, не пугайся. Посмотри мне еще раз в глаза, прямо; чего покраснелась? Даша, поди сюда, смотри на нее: как ты думаешь, у ней сердце чистое..?» (10; 503)) и, наконец, многофигурную («Он исповедался и причастился весьма охотно. Все, и Софья Матвеевна, и даже слуги, пришли поздравить его с приобщением Святых Тайн. Все до единого сдержанно плакали, смотря на его осунувшееся и изнеможенное лицо и побелевшие, вздрагивавшие губы» (10; 504)).

Интересно и то, что в последней сцене Степан Трофимович как бы служит и образом ангела, возвещающего Жизнь Вечную, и образом Христа, указывающего путь к Ней. Характерно, что подобные композиции (а они были!) включали, как правило, несколько фигур жен-мироносиц. Вот описание такого типа икон у Н.А.Барской: «В русском искусстве существовал, получив особенно широкое распространение в XVI веке, извод, где изображение Жен-мироносиц у гроба соединялось с явлением им воскресшего Христа. На иконе, написанной во второй половине этого столетия московским художником, тихо склоняются жены, во главе с Богородицей, держащие сосуды с миром в руках, над гробом, в котором белеют пелены, им благовествует сидящий в его возгавии ангел. На фоне горок за спинами женщин — оставленный ими Иерусалим в виде окруженных розовой стеной строений. А над ними на фоне гор — тот, кто покинул гроб и пелены, — Иисус Христос, предваряющий их по дороге в Галилею. В развевающихся одеждах, обернув к ним светлый лик, указывает Он им рукой путь — путь, открытый его Воскресением» (с.116-117).

В упомянутой сцене Степан Трофимович возвещает бессмертие, поет гимн жизни и указывает путь: « — Мое бессмертие уже потому необходимо, что Бог не захочет сделать неправды и погасить совсем огонь раз возгоревшейся к Нему любви в моем сердце. И что дороже

любви? Любовь выше бытия, любовь венец бытия, и как же возможно, чтобы бытие было ей неподклонно? Если я полюбил Его и обрадовался любви моей — возможно ли, чтобы Он погасил и меня и радость мою и обратил нас в нуль? Если есть Бог, то и я бессмертен!» (10; 505) И замечательным дополнением к его условному предложению звучат слова переполошившейся Варвары Петровны: «Бог есть, Степан Трофимович, уверяю вас, что есть».

Он продолжает: « — О, я бы очень желал опять жить! (...) Каждая минута, каждое мгновение жизни должны быть блаженством человеку... должны, непременно должны! Это обязанность самого человека так устроить; это его закон — скрытый, но существующий непременно... Я, я бы желал видеть Петрушу... и их всех... и Шатова!» (10; 506).

И последнее: « — Одна уже всегдашняя мысль о том, что существует нечто безмерно справедливейшее и счастливейшее, чем я, уже наполняет и меня всего безмерным умилением и — славой, — о, кто бы я ни был, что бы ни сделал! Человеку гораздо необходимее собственного счастья знать и каждое мгновение верить в то, что есть где-то уже совершенное и спокойное счастье, для всех и для всего... Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы человек всегда мог преклониться перед безмерно великим. Если лишить людей безмерно великого, то не станут они жить и умрут в отчаянии. Безмерное и бесконечное так же необходимо человеку, как и та малая планета, на которой он обитает... Друзья мои, все, все: да здравствует Великая Мысль! Вечная, безмерная Мысль! Всякому человеку, кто бы он ни был, необходимо преклониться пред тем, что есть Великая Мысль. Даже самому глупому человеку необходимо хотя бы нечто великое. Петруша... О, как я хочу увидеть их всех опять! Они не знают, не знают, что и в них заключена все та же вечная Великая Мысль!» (10; 506). Это, собственно, последние слова Степана Трофимовича, ибо через три строчки будет сообщено о его кончине. Но необходимо разъяснить еще несколько вещей.

Во-первых, его повторяющиеся слова о том, что он хотел бы «видеть их всех». Упоминаемые имена Петруши и Шатова указывают, каких именно «всех». Несколькими страницами раньше он будет настойчиво вспоминать о Лизе — она, очевидно, тоже входит в это число. Во всяком случае из названных «всех», кроме Петруши, все уже умерли. Здесь необходимо напомнить одно обстоятельство — дело в том, что в древнейшие времена Воскресение обозначалось изображением женмироносиц. Позднее, основываясь на апокрифическом Евангелии Никодима, Воскресение начинает обозначаться сюжетом Сошествия во ад. А в этом сюжете, как, наверное, всем памятно, Христос одолевает ад, «смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» — то есть выведя из ада всех, попавших туда до Его пришествия.

Христос в этом иконописном сюжете зримо восстанавливает связь человека с Богом, прерванную грехом прародителей, отвернувшихся от Бога в начале времен так же, как это случилось в начале романа «Бесы». И в словах воскресшего Степана Трофимовича — жизнь и надежда для всех героев романа, ибо он восходит в вечную жизнь, вспомнив их всех и затосковав о них — то есть как бы спустившись за ними и выведя их найденным путем.

Во-вторых, следующее за романной иконой «Заключение», повествующее главным образом о смерти Николая Ставрогина. В свете всего сказанного выше об учителе, повесившийся ученик уже не должен вызывать ни чрезмерного удивления, ни чрезмерного огорчения. Как мы все помним, один из учеников Христа также повесился, примерно (в сюжетной соотносительности) в такое же время. Но это еще и завершение сюжета о «премудром змие».

Дело в том, что меня как-то поразило сходство Степана Трофимовича, как он описан во время встречи с Лизой на большой дороге — уже после ее ухода от Ставрогина, с изображением Св.Георгия на некоторых иконах. Шинель в рукава, подпоясанная широким кожаным лакированным поясом с пряжкой, высокие новые сапоги и панталоны в голенищах, палка в правой руке, в этой же руке распушенный зонтик (копье и щит или копье и нимб — в зависимости от того, как представить себе положение зонтика). Я долго не могла понять к чему бы могла относиться эта устойчивая ассоциация, пока гибель Николая Ставрогина не предстала в какой-то мере победой Степана Трофимовича. И тогда все встало на свои места. Ведь икона св.Георгия, «похожая» на Степана Трофимовича, называется «Чудо Георгия о змие», на сюжет о том, как Георгий, связав змия, пожиравшего всех детей языческого города, заставил горожан принять истинного Бога, после чего убил змия. Ну, а именование Ставрогина «премудрым змием» проходит почти через весь роман:

Так и стоят в ушах слова одного из моих молодых и скептических собеседников, не склонного «все усложнять»: «Ну вот, теперь мы Степана Трофимовича сделаем Христом!» Не Христом, но образом Христовым, каковым может явиться каждый человек, ибо «христианство есть доказательство того, что в человеке может вместиться Бог. Это величайшая идея и величайшая слава человека, до которой он мог достигнуть».

(окончание в одном из следующих номеров)